

— Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией.

И. В. Сталин рассказал мне о Ялтинской конференции. Я понял, что он остался доволен ее результатами. Он очень хорошо отзывался о Рузвельте. И. В. Сталин сказал, что он по-прежнему добивался от союзников перехода их войск в наступление, чтобы скорее добить фашистскую Германию. Наши войска в период Крымской конференции находились на Одере, вели напряженные сражения в Восточной Пруссии, в Прибалтике, в Венгрии и других районах. Верховный настаивал на наступлении союзных войск, которые находились в 500 километрах от Берлина. Соглашение было достигнуто, и с этого времени значительно улучшилась координация действий сторон.

Верховный подробно рассказал о соглашениях с союзниками по управлению Германией после ее капитуляции, о „контрольном механизме в Германии“, о том, на какие оккупационные зоны будет разделена территория Германии, а также до какой линии должны продвигаться войска союзников и советские войска.

Деталей организации „контрольного механизма в Германии“ и верховной власти в Германии он не касался. Об этом я был проинформирован значительно позже.

Относительно будущих государственных границ Польши на западе была достигнута полная договоренность — эти границы должны были проходить по Одере и Нейсе (Западной), но возникли большие разногласия о составе будущего польского правительства.

— Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам,

а мы этого допустить не можем, — сказал Сталин. — Мы хотим раз и навсегда, иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ.

Несколько позже он заметил:

— Черчилль изо всех сил подталкивает Миколайчика, который более четырех лет отсиживался в Англии. Поляки не примут Миколайчика. Они уже сделали свой выбор...

Вошел А. Н. Поскребышев и подал И. В. Сталину какие-то документы. Быстро пробежав их, Верховный сказал мне:

— Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же...

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении»¹²⁷.

В процитированном нами отрывке настойчиво подчеркивается доверительный характер разговора: приведены размышления вождя о судьбе сына, пространные высказывания о внешнеполитических вопросах, не имевших прямого отношения к деятельности Жукова. История создания жуковских мемуаров и в связи с этим степень достоверности тех или иных содержащихся там сведений — предмет отдельного разговора. Здесь же необходимо отметить одно: беседуя с Жуковым о работе Крымской конференции, Сталин не сообщил тому не только деталей организации контрольного механизма и верховной власти в Германии, но и других важных сведений. В частности, даже не упомянул, что опять занимался тайным дележом Европы, договариваясь о зонах влияния, правда, на этот раз не с руководством Третьего рейха, а с Рузвельтом и Черчиллем.

Малый дом

Метрах в ста от Главного дома в негустой тени высоких сосен приютился одноэтажный Малый, или, как иногда называл его Сталин, Маленький дом. Деревянный, в четыре окна по фасаду, с крытой железом крышей, он

был построен в 1938–1939 годах. Как и многие строения на территории объекта, дом выкрашен в темно-зеленый цвет. От площадки с фонтаном к его крылечку ведет узкая — встречным не разминуться — дорожка (сейчас она заасфальтирована, а до 50-х годов ее просто посыпали

мелким гравием). Крыльцо защищено от дождя небольшим двускатным навесом.

В дом можно попасть через застекленные двустворчатые двери, почти такие же, как в Главном доме, но менее массивные. Попадаем в хозяйский кабинет. Его площадь 27,6 м². Стены облицованы панелями из светлого дуба. Пол паркетный, наборный. На нем неперменный шерстяной ковер. В этом кабинете генсек пребывал в тревожные дни осени 1941 года. Немецкие войска прорвались к Москве, Главный дом заминировали, и Хозяин переместился в Малый. Когда же положение на фронте несколько стабилизировалось, он по-прежнему продолжал сюда частенько наведываться.

29 ноября. У аппарата Сталин. На другом конце провода Жуков, просит дать приказ о начале контрнаступления под Москвой. «Сталин слушал внимательно, — вспоминал Жуков, — а затем спросил: „А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?“ — Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться»¹²⁸. Сталин ответил, что посоветуется с Генштабом, и повесил трубку.

Поздно вечером 29 ноября Ставка приняла положительное решение о начале наступления. Жуков должен был представить на утверждение план операции. Утром 30 ноября соображения Военного совета фронта были представлены в Ставку. Передавая план, Жуков написал Василевскому: «Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой». План доставили Верховному главнокомандующему на дачу. Ознакомившись с ним, Сталин написал: «Согласен» и расписался.

Ночью 4 декабря Верховный с «Ближней» связался по телефону ВЧ с Жуковым: «Чем еще помочь фронту, кроме того, что уже дано? Танков пока нет, дать не можем, авиация будет. Договоритесь с Генштабом. Я сейчас туда позвоню...»¹²⁹. 5 и 6 декабря части РККА перешли в наступление на нескольких направлениях.

Архивные документы свидетельствуют: твердой уверенности в успехе контрнаступления

под Москвой не было, иначе зачем разрабатывать планы эвакуации генсека из столицы?¹³⁰ Видимо, свежи были в памяти кремлевского горца кризисные осенние дни. Тогда в кабинете Малого дома велись совсем не победные речи.

Обстановка на фронтах и в столице была чрезвычайно тревожной. Москву с середины лета бомбили практически постоянно. По 10–12 раз в сутки радио сообщало о налетах вражеской авиации: «Граждане, воздушная тревога!» В июле ежедневное количество налетов достигало 17. В сентябре–октябре их стало немного меньше благодаря налаженным действиям противовоздушной обороны.

Рассказывают, что кремлевские зенитчики составили длинный список необходимого: истребители, прожекторы, зенитные орудия, аэростаты — и очень боялись реакции вождя на свои завышенные требования. Сталин же легко утвердил заявку — ведь речь шла о его собственной безопасности, какие уж тут могли быть ограничения. «В середине октября 1941 года, — вспоминал Орлов, — в окружении дачи грохотала беспрестанно зенитная артиллерия¹³¹. Во время очередного налета на Москву один из немецких бомбардировщиков, не проравшийся через зенитное кольцо, окружавшее Москву, сбросил однотонную бомбу, которая упала с внешней стороны забора дачи. Бомба не взорвалась, оставив лишь глубокую воронку. Когда саперы осмотрели бомбу, то в стабилизаторе они нашли прикрепленную листовку, на которой был нарисован сжатый кулак и надпись „Рот Фронт“. На обратной стороне листовки на немецком языке была надпись: „Чем можем, помогаем“. Эту листовку Сталин оставил у себя»¹³².

Очевидцы вспоминали, что Сталин периодически игнорировал требования светомаскировки, хотя дача и была оборудована всем необходимым. Справедливости ради заметим, что он мог себе позволить не зашторивать окон в ранние сумерки, поскольку одним из первых получал сведения о приближении вражеских самолетов к Москве.

Надо сказать, что строительство бомбоубежища для генсека на территории «Ближней» дачи началось еще в конце 1940 года. Работами по возведению этого сверхсекретного по тем временам объекта руководила знаменитая метростроевка Татьяна Федорова. С началом войны темпы строительства возросли, однако полностью завершить работу удалось не скоро¹³³. Подземный бункер для генерального секретаря строили

Ближняя дача Сталина зимой.

с размахом. Он был оснащен автономным инженерным оборудованием и связью и представлял собой настоящий командный пункт. Полностью он был готов лишь 7 марта 1942 года.

В первой половине октября 1941 года устоявшийся график ночных кремлевских бдений вождя был нарушен: со 2 октября Сталин начал появляться в Кремле днем. Откроем журналы записи посетителей кремлевского кабинета. Чаще всего прием начинался около 2–3 часов дня и заканчивался непривычно рано, в 7–8 вечера. Лишь 8 октября генсек собрал у себя Молотова, Ворошилова, Берия, Маленкова и Буденного в половине одиннадцатого вечера и продержал до часу ночи. В ту ночь Сталин вызывал на доклад Шапошников с Василевским и трех других генералов — Артемьева¹³⁴, Котляра¹³⁵ и Ширяева¹³⁶. Несколько дней первой декады — 3, 6, 9 и 10 октября — он в кремлевском кабинете вообще не появлялся. Утверждают, что в это время вождь вместе с другими членами ГКО вел прием посетителей на «Ближней».

В первых числах октября сплошная линия фронта перестала существовать. В районе Юхнова танковый корпус вермахта обошел советские войска с фланга и двинулся на Москву. О сложившейся ситуации докладывали Берии различные высокие чины госбезопасности, в спешном порядке выезжавшие к фронту¹³⁷. Дело дошло до того, что сам командующий Московским резервным фронтом и Московской зоной обороны генерал-лейтенант Артемьев выехал в Малоярославец и по ВЧ начал докладывать Сталину о тяжелой обстановке. Утверждают, что недовольный вождь отчитал его: «Вас назначили командующим фронтом, а вы превратились в командира взвода разведки. Возвращайтесь в Москву». В итоге Верховный расформировал Московский резервный фронт и переподчинил его войска Жукову.

Как вспоминал Жуков, ставка ВГК на тот момент не располагала сколь-нибудь значимыми резервами. Столица фактически осталась без защиты. Как мы теперь знаем, в какие-то моменты на пути частей вермахта не было никаких воинских соединений Красной армии. Немецкое командование этого не знало. Генералы Гитлера не спешили, они опасались фланговых ударов и хотели, действуя по всем законам военной науки, взять Москву ударами с трех сторон. К тому же растянувшиеся тылы и осенняя распутица — «генерал Грязь» — затрудняли доставку горючего и боеприпасов в передовые немецкие части.

По воспоминаниям Конева, в те октябрьские дни, когда соединения вермахта приближались к столице, Сталин растерялся. Вместо принятия решения об отводе вверенных Коневу частей Верховный стал оправдываться, причем говорил о себе в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение»¹³⁸.

Оправившись от потрясения, Верховный приказал Жукову прибыть в спешном порядке в Москву из окруженного Ленинграда. Но ни жестокие методы самого сталинского выдвиженца, ни расстрельные приказы других военачальников не дали результата. 14 октября танки вермахта ворвались в Калинин и повели наступление на Москву.

Жуков утверждал, что, прибыв в те дни к Верховному для доклада, стал невольным свидетелем разговора Сталина и Берии: «Не обращая внимания на меня, а может быть, еще и не заметив моего появления, Сталин сказал Берии, чтобы он на всякий случай через свою агентуру провел зондаж о возможных условиях заключения мира с Германией»¹³⁹. Эдакий Брестский мир, à la Ульянов (Ленин). Правда, Судоплатов, получивший от Берии задание связаться с болгарским послом в СССР Стаменовым, работавшим на НКВД, и проинформировать его о якобы циркулировавших в дипломатических кругах слухах о возможном заключении мира на основе территориальных уступок, в книге воспоминаний заявлял, что это был всего лишь зондаж в целях дезинформации, да и само задание было дано гораздо раньше, в конце июля¹⁴⁰. Так что эта тайна все еще ждет своих исследователей. Заметим лишь, что, согласно мемуарам Шпеера¹⁴¹, Гитлер в годы войны «с иронией замечал, что после поражения России во главе ее следовало бы оставить Сталина — разумеется, при условии его подчинения германским властям, — так как он, как никто другой, умеет управлять русским народом»¹⁴².

Генерал Тюленев¹⁴³ вспоминал, что Сталин принял его на даче в час ночи с 13 на 14 октября. Генерал доложил членам ГКО свои соображения о причинах поражения советских войск на Южном фронте. Выслушали его внимательно. Затем Сталин заговорил о предстоящей поездке Тюленева на Урал: «Положение на фронте критическое, итог зависит от того, насколько быстро

Документы Якова Дзугашвили.

и эффективно мы сумели подготовить резервы. Вот вам, товарищ Тюленев, и поручается срочно выехать на Урал для формирования и обучения там резервных дивизий»...

Тюленев писал, что в мандате, выданном ему тут же, на даче Сталина, говорилось:

«1. Сим удостоверяется, что генерал армии тов. Тюленев И. В. является уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обучению и сколачиванию вновь формирующихся дивизий на территории Уральского военного округа.

2. Тов. Тюленеву И. В. ставится задача доформировать 14 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, организовать их обучение современному ведению боя и сколотить их, чтобы в течение 2 месяцев дивизии представляли вполне боеспособные единицы.
3. Обязать все советские, военные и партийные органы оказывать т. Тюленеву И. В. Всяческое содействие при выполнении возложенных на него задач.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин»¹⁴⁴.

Действительно, как мы уже рассказывали, согласно журналам записи лиц, принятых первым генсеком, 15–18 октября 1941 года Сталина в Кремле не было. По некоторым свидетельствам, в эти дни он находился на «Ближней» и работал именно в Малом доме.

В ночь на 15 октября Верховный подписал постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»¹⁴⁵. Постановление предписывало ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии в тот же день эвакуировать в Куйбышев (так называлась тогда Самара) иностранные миссии, высшие учреждения (правительство во главе с Молотовым, Президиум Верховного Совета, Наркомат обороны). Указывалось, что «т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». Кроме того, предусматривался взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию).

По словам сотрудников охраны, в те осенние дни Верховный работал как никогда много и спал не более двух часов. «Топографические карты фронтов были разложены повсюду — в основном в кабинете. Лишь под утро Сталин ложился отдохнуть. Я неоднократно его заставал в 6 часов утра, отдыхающим на северной террасе, одетым в шинель, в фуражке и ботинках»¹⁴⁶.

Водитель основной машины генсека Митрюхин вспоминал: «15 октября 1941 года Сталин собрался в Кунцево. Его телохранитель, генерал Румянцев начал его отговаривать под предлогом, что дача якобы демонтирована. Сталин сказал: „Товарищ Митрюхин — в Кунцево“. Приехали — ворота закрыты. Иван Орлов, тогда сотрудник охраны, выбежал к нам и сообщил: „Товарищ Сталин, по распоряжению Румянцева дача заминирована“. Сталин посмотрел, кашлянул и произнес: „Дачу разминируйте. Натопите мне печку в маленьком домике, там буду работать до утра...“»¹⁴⁷.

Дежурный комендант в Большом театре Рыбин, как и положено преданному Хозяину человеку, собирая и систематизируя рассказы сотрудников сталинской охраны, естественно, зафиксировал лишь самые «розовые» из них. Это относится и к тяжелому периоду осени 1941 года. Вот что вспоминал о событиях тех дней водитель Сталина Кривченков: «По дороге мы разговорились со Сталиным об обороне Москвы. Сталин сказал: „Остаюсь в Москве с русским народом. Пока жив — враг не пройдет по улицам столицы. Стоять будем с советским народом насмерть, но врага разгромим!“»¹⁴⁸. То ли вождь давал урок твердости охране, то ли творил очередную легенду о себе, но даже в других воспоминаниях, опубликованных Рыбиным, Верховный изъяснялся не столь патетично. Дмитрий Шадрин¹⁴⁹, заместитель начальника отдела охраны, например, рассказывал о том, что услышал во время одного из совещаний: «Я находился около Сталина и слышал, как отреагировал Сталин на предложение Л. Берии и Г. Маленкова уехать из Москвы: „Из Москвы я не поеду, несмотря на решение Политбюро ЦК ВКП(б) о моем выезде в Куйбышев“»¹⁵⁰.

Документы, в отличие от воспоминаний, благостной картины не рисуют. И так, в октябре фронтовая обстановка на подступах к столице резко осложнилась. Немецкие войска быстро продвигались к Москве. Дорога на столицу была открыта. В городе началась паника, порожденная отсутствием достоверной информации и подготовкой к взрыву намеченных в соответствии с постановлением ГКО объектов. Слухи о спецмероприятиях, как тогда их называли, все-таки просочились, к тому же некоторые директора предприятий эвакуировались из столицы, выплатив рабочим зарплату за две недели вперед, другие, наоборот, бежали, прихватив денежные средства с собой. Началось повальное бегство жителей. Те, кто не мог эвакуироваться, приняли участие в стихийных расправах с отъезжавшими москвичами на городских заставах¹⁵¹.

В этих условиях руководство 1-го отдела НКВД подготовило план обеспечения охраны на случай выезда членов правительства из Москвы. Так официально назывался этот документ. Поскольку часть наркоматов, членов правительства и Политбюро ЦК уже перебравшись на Волгу, то речь шла, прежде всего, о самом Сталине.

Планом предусматривалось три варианта эвакуации: по железной дороге, на автомобилях и самолетами. Железнодорожный маршрут

пролегал из Москвы в Горький, а затем в Куйбышев, автомобильный шел через Ногинск, Покров, Владимир, Вязники, Гороховец и заканчивался в Горьком. Пунктом отдыха и заправки автомашин должна была стать деревня Гаврильцево в двухстах километрах от Москвы. Эвакуация Сталина по воздуху должна была осуществляться пятью самолетами¹⁵². Весь полет до Горького должны были прикрывать три эскадрильи — две истребителей («мигов») и одна штурмовиков.

Здесь также осталось еще много таинственного. План эвакуации, отложившийся в архивном деле, не подписан ни Власиком, ни комендантом Кремля Спиридоновым¹⁵³ и не утвержден наркомом внутренних дел. Списки экипажей самолетов поступили в 1-й отдел охраны только 12 ноября, когда напряжение на подмосковном участке советско-германского фронта несколько спало.

В тревожные осенние дни вождя тяготила еще одна забота: что делать с заключенными в тюрьмы «врагами народа». Не выдуманный, а реальный враг стремительно продвигался к сердцу его империи. Не ровен час, и тюремные сидельцы окажутся в руках немцев. Те дураками будут, если не попытаются использовать их в борьбе с большевистским режимом. Ведь использовали они в своей пропаганде имя старшего сына вождя — Якова: над красноармейскими позициями разбрасывались тысячи листовок с его фотографиями в немецком плену¹⁵⁴. Прагматику генсеку такой ход событий мог представляться вполне реальным. Впрочем, это вопрос по ведомству верного Берии, и можно особенно не беспокоиться. Тот, либо предугадывая желания Хозяина, либо исполняя его указания (вряд ли когда мы узнаем точно), вовремя готовил необходимые бумаги.

Части вермахта вышли к Орлу. Немцы вот-вот должны были захватить город, а в Орловской тюрьме содержалась большая группа политзаключенных. Среди них известные в прошлом фигуры: председатель Совнаркома Украины, полпред Советского Союза в Великобритании и Франции, замнаркома иностранных дел и член ЦК партии большевиков Христиан Георгиевич Раковский, лидер партии левых эсеров, член ВЦИК и его Президиума Мария Александровна Спиридонова, член ЦК и заведующий орготделом ЦК компартии Германии Август Алфредович Кригер-Крейцбург. Были и просто неудобные свидетели: участник Октябрьского переворота, редактор «Ленинградской правды»

Петр Григорьевич Петровский, врач Дмитрий Дмитриевич Плетнев, тот самый, что несправедливо был обвинен в «умерщвлении» Горького, Куйбышева, Менжинского и покушении на жизнь Ежова¹⁵⁵. Список можно продолжать долго, добавим лишь сестру личного врага генсека Льва Троцкого и одновременно первую жену Льва Каменева Ольгу Давидовну¹⁵⁶.

6 сентября 1941 года на сталинский стол легла очередная бериевская записка с грифом «сов.[ершенно] секретно»¹⁵⁷. Берия наверняка принес ее с собой: 5-го на приеме у Сталина он не был. Сами расстрельные списки на 170 человек его аппарат в спешке готовил накануне. 6 сентября Берия вошел в кремлевский кабинет вождя в 19:55 вместе с Маленковым. Там уже находился Жигарев¹⁵⁸, пришедший за 5 минут до них. В 20:10 Поскребышев впустил еще двоих военных: Яковлева¹⁵⁹ и Новикова¹⁶⁰, а через 5 минут Щаденко¹⁶¹ и Кузнецова¹⁶². В 20:27 к заседавшим присоединился Молотов. В 21:10 все военные покинули сталинский кабинет. 20 минут члены ГКО находились одни, затем на 15 минут зашли Жигарев с Шахуриным. Вряд ли Сталин обсуждал, что делать с заключенными Орловской тюрьмы в присутствии армейских чинов: не их это вопрос. Судьба людей, попавших в расстрельный список, была решена либо за упомянутые 20 минут, либо за 5 минут после ухода Жигарева с Шахуриным. В бериевской записке Сталин подчеркнул карандашом число заключенных — 170 и размашисто наискосок листа расписался: «И. Сталин». Постановление ГКО гласит: «Применить высшую меру наказания — расстрел к 170 заключенным, разновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда СССР». Подпись — Председатель Государственного комитета обороны И. Сталин. Составить такой текст можно и за 5 минут.

В этот день Верховный завершил прием довольно рано. Напротив фамилий троих сталинских соратников, Берии, Маленкова и Молотова, значится время — 21:50. Список посетителей завершает пометка: «Последние вышли 21:50»¹⁶³. Именно такую запись каждый раз учиняли в журнале регистрации посетителей сталинского кабинета сотрудники аппарата, возглавляемого Поскребышевым, когда сам Хозяин покидал кремлевские апартаменты. Так что не исключен и третий вариант: генсек забрал записку Берии

и расстрельные списки с собой на «Ближнюю», где и составил короткое постановление ГКО, а уж оформили его задним числом.

На пятый день сталинский приговор привели в исполнение¹⁶⁴. Примечательно то, что двести сокамерников расстрелянных в Медведевском лесу под Орлом «врагов народа» были эвакуированы на следующий день после расстрела¹⁶⁵.

Осенью 1941 года сотрудники НКВД составили немало подобных расстрельных списков. Под Куйбышевом и в иных местах заключения была расстреляна большая группа командиров, еще недавно возглавлявших ВВС и ПВО. Все они были объявлены «изменниками Родины»¹⁶⁶. Сохранилось распоряжение Берии об их расстреле без суда. Понятно, что такой приказ нарком не мог отдать без согласования с Хозяином¹⁶⁷.

Вернемся, однако, в осажденную столицу. И здесь Верховный действовал привычным методом устрашения. Чтобы прекратить панику в городе, он предложил отдавать под трибунал нарушителей порядка, а всех призывающих к нарушению одного расстреливать на месте. Именно об этом говорилось в четвертом пункте постановления Государственного комитета обороны № 813 от 19 октября 1941 года, опубликованного на следующий день в газетах¹⁶⁸.

Уже первые слова выдают сталинский стиль. «Сим объявляется» — так написать вождь позволял лишь себе самому. В постановлении он успокаивает: «...оборона столицы на рубежах сто–сто двадцать километров». Называет фамилии генералов, кому эта оборона поручена — Жуков и Артемьев. Порядок в городе — забота коменданта генерала Синилова¹⁶⁹ (будет с кого спросить в случае неудачи). Более того, следом Верховный дает указание опубликовать в «Красной звезде» фотографию Жукова. Ответственный редактор газеты Ортенберг, посылавший к Жукову фотокорреспондента, считал, что вождь хочет показать москвичам человека, на которого они могут положиться. Позже Жуков объяснил Ортенбергу: «Наивный ты человек. Не по тем причинам он велел тебе напечатать мой портрет. Он не верил, что удастся отстоять Москву, точнее не особенно верил. Он все время звонил и спрашивал меня: удержим ли Москву? Вот и решил, что в случае потери столицы будет на кого свалить вину...»

Сталин не признавал за собой ошибок и просчетов. Потому-то и виноваты у него были то вероломный враг, напавший внезапно,

то трусы и паникеры среди своих. Вот и сейчас, вводя осадное положение в столице, он требовал «нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

В архивах сохранились отчеты военной комендатуры Москвы, в сухих цифрах которых нашла отражение трагедия тех дней. В столице было создано 25 районных военных комендатур и 9 в пригородных районах. Ведомство генерала Синилова регулярно информировало наркома внутренних дел о наведении в городе железного порядка¹⁷⁰, а тот, в свою очередь, передавал эти сведения Верховному. За восемь месяцев с момента введения осадного положения было задержано более 830 тысяч человек. За антисоветскую агитацию 13 человек были расстреляны на месте, разоблачены 84 шпиона и диверсанта, 906 человек задержали за распространение контрреволюционных слухов, 13 022 — за грабежи, убийства и расхищение социалистической собственности. Кроме того, было разоблачено 10 610 дезертиров и 24 651 уклоняющийся от воинской службы. 44 168 человек были приговорены военными трибуналами к тюремному заключению, а 887 — к расстрелу¹⁷¹.

Вернемся в сталинский кабинет в Малом доме. Как вы помните, в нем стоит этажерка с книгами. Однако в октябре 1941 г. ее полки оказались пустыми. Дело в том, что почти все книги библиотек вождя вывезли из столицы, когда готовилась эвакуация советского правительства. «Накануне праздника 7 ноября 1941 года, — вспоминал Власик, — узнав, что я отправил его библиотеку в Куйбышев, он с твердой уверенностью сказал: „Напрасно ты это сделал. Москву мы никогда не отдадим!“»¹⁷² Власику, видимо, было невдомек, что книги могут понадобиться Хозяину в такое время. Конечно, вскоре книги из дачной и кремлевской библиотек были доставлены обратно, но Верховному они были нужны до праздника. Ведь ему предстояло написать две речи. Одну Сталин произнесет вечером 6 ноября на торжественном заседании по случаю годовщины Октябрьской революции, другую — утром 7 ноября на военном параде на Красной площади.

Если первая речь могла быть вполне традиционной и ее написание не предполагало каких-либо затруднений, то вторая явно должна была стать особенной. Она требовала высокого стиля, пафоса и в то же время доступности,

лаконичности. Как знать, не попалось ли вождю на глаза среди других бумаг, оставшихся на даче, обращение митрополита Московского и Коломенского Сергия к пастырям и пастве¹⁷³, разосланное по всем церковным приходам в первый день войны? По крайней мере, некоторое сходство в построении речи, лексике явно прослеживается. Как и Сергей, упомянул Сталин и победоносных русских полководцев — Александра Невского и Дмитрия Донского. Но вождь не был бы вождем, если бы не внес в героическую партитуру речи свойственные только ему идеологические ноты: «Враг не так силен, как его представляют некоторые перепуганные интеллигентки».

Среди сообщений о положении на фронтах, направленных в ноябрьские дни 1941 года в ГКО и Ставку, есть донесение командующего 43-й армией генерал-майора Голубева¹⁷⁴, датированное 8 ноября¹⁷⁵. Известно, что Сталин вел прием в кремлевском кабинете 8 и 15 ноября, следовательно, вероятность того, что голубевское послание было доставлено на дачу, весьма высока.

Из первых строк донесения видно, что Голубев вручил его генерал-лейтенанту Петрову. В кремлевском кабинете Сталин Петрова не принимал: в журнале регистрации посетителей такой не значится. Точно неизвестно, был ли Петров принят Сталиным на «Ближней» или Верховный ознакомился с письмом Голубева через Поскребышева. Тем не менее на письме имеется помета Поскребышева «т. Маленкову» и его подпись, а также помета помощника Маленкова Суханова «т. Маленков ознакомлен» и дата 11 ноября.

Скорее всего, цепкая память Верховного главнокомандующего удержала строки из голубевского донесения: «...отрадно то, что видят воочию все наши жалкий облик немецкого солдата (плохо одеты, часто голодные, вшивые, грязные, часто морально подавленные). Мы не отдадим им больше ни одной деревни, все их будем разрушать и сжигать, чтобы заморозить немцев». Вдохновленный этой идеей Верховный 17 ноября издал приказ Ставки Верховного Главного Командования за № 0428 об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе. Документ существует в двух вариантах: один подписан только Сталиным¹⁷⁶, другой — им и Шапошниковым.

Второй вариант предназначался для рассылки командующим фронтами и отдельными армиями. Приведем его полностью. «Опыт последнего месяца войны показал, что германская

армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии.

Фасад Малого дома.

Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой

советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

Камин в столовой Малого дома.

4. Военным советам фронтов и отдельных армий¹⁷⁷ систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта, Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить, сколько

и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты.

Ставка Верховного Главного Командования
И. Сталин
Б. Шапошников»¹⁷⁸.

К тактике выжженной земли Верховный пришел не сразу после начала военных действий. По сталинским документам начального периода войны можно проследить, как менялись указания вождя, касающиеся уничтожения материальных ценностей, по разным причинам не подлежащим эвакуации. Так, в одной из телеграмм, датированной 10 июля 1941 года, председатель Государственного комитета обороны, регламентируя эвакуацию и уничтожение ценного имущества, упрекает секретаря ЦК КП(б) Украины Хрущева в излишнем усердии. Весьма симптоматично, что делает он это со ссылкой на собственные указания, причем упоминает себя в третьем лице.

«1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать, как в армии, так и среди населения настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2) Государственный Комитет Обороны обязывает вас в виду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров»¹⁷⁹.

Появление немецких войск у стен столицы толкает «отца народов» на издание еще более страшных распоряжений. Как вы помните, в Москве минируются промышленные объекты, здания госучреждений, системы жизнеобеспечения города. Что же касается других населенных пунктов, как в тылу врага, так и в прифронтовой полосе, то их, по сталинскому приказу, надлежало «разрушать и сжигать».

В отличие от документов, устная традиция по большей части приукрашивает картину

осенних событий. Одну из легенд, относящихся к тому трагическому периоду, воспроизводит в своих воспоминаниях Орлов. В конце 50-х годов он красочно рассказывал о поездке Сталина на линию фронта под Москву. Сам же рассказчик будто бы сопровождал вождя. «Незадолго до начала известного московского контрнаступления Сталин вызвал меня и сказал, что собирается выехать в войска, оборонявшие Москву: „Надо посмотреть, как там подготовились к наступлению“. В считанные часы был создан специальный отряд, который двинулся к линии фронта. Я и мои ближайшие сотрудники сопровождали Сталина, ехавшего в специальной бронированной машине.

В целях конспирации специальных сообщений мы не делали. Мы благополучно прибыли на место. Сталин решил поближе познакомиться с одним из участков фронта. Нужно было видеть удивление молодого часового, который неожиданно среди идущих генералов увидел Сталина. Сталин был доволен увиденным. Он зашел в один из блиндажей. Там у небольшого зеркала сидел молодой бравый майор. Он брился. „Брейтесь, брейтесь, товарищ полковник, — сказал Сталин... Вы хорошо подготовились к бою. Командование вами довольно. Желаю вам победы в битве за Москву“. И, пожав руку молодому, оторопевшему от неожиданности майору, ставшему теперь полковником, Сталин направился к выходу. Весть о том, что Сталин был в окопах среди солдат, быстро стала известной. Нужно ли говорить, с каким воодушевлением встречали солдаты эту новость»¹⁸⁰. Звучало все это красиво, но следует сказать, что не только документами, но и мемуарами военачальников эта сталинская поездка на фронт пока не подтверждается¹⁸¹.

Продолжим нашу воображаемую экскурсию по Малому дому. Повернув из прихожей направо, попадаешь в столовую. Она почти в два раза больше кабинета — ее площадь 46,5 м². В столовой четыре окна: по два на каждой из внешних стен. В дальнем от входа левом углу — простенький камин. У камина маленькие козлы, доверху нагруженные сухими березовыми поленьями. Мебели здесь также немного. В центре овальный обеденный стол, окруженный мягкими стульями. У левой стены — небольшой сервант с посудой, справа в углу — еще несколько стульев. Слева от входа низкий диван и два кресла образуют зону отдыха.

Из столовой двустворчатые двери ведут в спальню. По площади она чуть больше

кабинета — около 29 м². На правой стене два окна. В правом дальнем углу — еще одни двустворчатые двери: через маленький тамбур можно попасть на крытую односкатной крышей террасу. Слева у стены, рядом с печкой, стоит односпальная деревянная кровать со спинкой из карельской березы и тумбочка с ночником. За ними дверь в четвертую комнату. Справа в ближнем углу — стандартный для дачи генсека платяной шкаф. В нем, как и в других шкафах по всему объекту, несколько комплектов нижнего белья, полотенца, рубашки, халаты.

Четвертая комната Малого дома по сравнению с другими совсем невелика: ее площадь — чуть больше 13 м². Первоначально это была ванная. Во время войны ее переоборудовали в так называемую комнату отдыха. Бывало, служила она и парикмахерской. Отсюда можно выйти на небольшую деревянную террасу. По бокам от двери два окна. Третье окно комнаты отдыха выходит на другую террасу Малого дома — ту, куда можно попасть из спальни.

Большая терраса огибает дом с двух сторон. В теплое время года здесь ставили кушетки, обеденный стол, стулья и столик. Генеральный секретарь часто работал тут летом.

18 августа 1945 года Сталин подписал постановление ГКО «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»¹⁸². В этот день в кремлевском кабинете вождем принимал Берия, Булганина, Маленкова и Молотова. Накануне, 17-го, Хозяина в Кремле не было. Скорее всего, он был на «Ближней», и с большой долей вероятности можно предположить, что в этот день он редактировал предложенный Берией проект постановления. Не исключено, что было это именно на одной из террас Малого дома.

Для того чтобы разобраться, почему было принято подобное постановление, необходимо сделать некоторые пояснения. Всего за годы Великой Отечественной войны в плену оказалось более 5 миллионов советских военнослужащих. От голода и болезней погибло до 2 миллионов военнопленных, десятки тысяч бойцов и командиров были казнены за участие в движении Сопротивления. На территорию Германии и оккупированных ею стран также было депортировано около 5 миллионов гражданских лиц. Подавляющее большинство из них было вывезено в принудительном порядке (лишь около 250 тысяч человек выехало добровольно). Так же

как и военнопленных, их использовали на работах в оборонной промышленности и сельском хозяйстве. В неволе их погибло более 1230 тысяч человек.

Освобожденные из немецкого плена советские граждане проходили длительные проверки в фильтрационных лагерях. Как видно из постановления ГКО, их сортировали по категориям и прикрепляли к промышленным предприятиям в отдаленных районах СССР. Таким образом Сталин решал проблему нехватки рабочих рук в промышленности.

Предвзятое отношение к оказавшимся в плену гражданам прослеживается на протяжении долгих лет. В соответствии с идеологическими догмами тоталитарного советского режима, пленение военнослужащего Красной армии рассматривалось как преднамеренно совершенное преступление. Под подозрение сразу же попадали все военнослужащие и гражданские лица, даже на непродолжительное время оказавшиеся за линией фронта. Бойцов и командиров, которые в тяжелейших условиях с боями пробивались на соединение с Красной армией, встречали как потенциальных изменников Родины.

С первых же дней войны особые отделы расстреливали без суда и следствия всех подозрительных и сомнительных лиц из числа вышедших из окружения и отставших от своих частей. Широко практиковалось заочное осуждение советских военнослужащих, оказавшихся за линией фронта. Основанием для этого зачастую были ложные доносы, наговоры, фальсифицированные материалы дознания и следствия.

Имеются многочисленные доказательства (в том числе в журналах боевых действий противника) того, что подавляющее большинство советских военнослужащих попало в плен ввиду невозможности дальнейшего сопротивления ранеными, больными, лишенными продовольствия, боеприпасов, управления со стороны вышестоящих штабов и командиров. Несмотря на это, только военными трибуналами в годы войны было осуждено свыше 994 тысяч военнослужащих, из них свыше 157 тысяч человек приговорено к расстрелу. Более половины приговоров приходится на 1941–1942 годы. Есть все основания утверждать, что большинство из осужденных — бывшие военнопленные и «окруженцы», не совершившие на деле никаких преступлений.

Характерна судьба И. А. Ласкина, героя Сталинградской битвы, участвовавшего в пленении фельдмаршала Паулюса. Выходя из окружения

Офицеры охраны, свободные от дежурства, во главе с генералом Власиком.

в августе 1941 года под Уманью, полковник Ласкин вместе с двумя сослуживцами был задержан и допрошен немцами. Через несколько часов Ласкину и его товарищам удалось бежать. Они благополучно выбрались к своим, но при проверке, зная методы работы особых отделов, все трое «окруженцев» о кратковременном своем задержании гитлеровцами умолчали. Тем не менее этот факт все-таки всплыл — в феврале 1943 года об этом стало известно сотрудникам СМЕРШа. Несмотря на заслуги, генерал-лейтенанта Ласкина арестовали. Его, начальника оперативного отдела штаба Донского фронта, обвинили в измене Родине, шпионаже и добровольной сдаче в плен. Следствие по делу тянулось долгих девять лет, и только в 1952 году Ласкин был приговорен к 15 годам лишения свободы. Реабилитирован он был лишь после смерти вождя народов.

Жестокие репрессии с первых дней войны подверглись и члены семей тех, кого без всяких оснований стали считать изменниками Родины. Их ссылали в отдаленные местности, приговаривали к длительным срокам лишения свободы. Эти чудовищные преступления санкционировались совместным приказом НКГБ, НКВД и прокурора СССР, изданным 28 июня 1941 года. Членов семей репрессировали либо через военные трибуналы, либо через Особое совещание при НКВД СССР. Еще более зловещую роль сыграло постановление ГКО от 16 июля 1941 года и последовавший вслед за этим приказ наркома обороны № 270 от 16 августа 1941 года. Приня-

тые в их развитие приказы и инструкции НКВД и НКГБ до крайности ужесточили репрессии по отношению к членам семей военнопленных и «окруженцев».

С конца 1941 года бывшие военнопленные, «окруженцы» и все, вызывающие подозрения, в обязательном порядке направлялись для проверки и фильтрации в специальные лагеря НКВД СССР. Обнесенные двумя рядами колючей проволоки, трехметровым забором, эти лагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима. Содержавшиеся в них заключенные отныне именовались «бывшими военнослужащими Красной Армии», хотя никаких судебных или хотя бы административных решений на этот счет сделано не было. Им запрещались выход из зоны, общение друг с другом, переписка и свидания с кем бы то ни было. На запросы семей о судьбе этих людей руководство НКВД отвечало, что сведений нет.

Находясь в спецлагерях, их обитатели — «спецконтингент» — привлекались к тяжелому принудительному труду в шахтах, на рудниках, на лесозаготовках, в металлургической промышленности. Им планировались повышенные нормы выработки. Формально начислявшаяся за их труд зарплата почти полностью шла в доход НКВД. За невыполнение трудовых норм, за малейшие проступки их наказывали, как заключенных ГУЛАГа. Примечательно, что организация и обслуживание спецлагерей были возложены на управление НКВД, занимавшееся

делами об иностранных военнопленных и интернированных. Таким образом, вернувшиеся из плена или окружения бойцы и командиры РККА приравнивались к военнопленным вражеской армии.

По результатам проверки каждый десятый арестовывался органами НКВД или НКГБ. Это означало неминуемое осуждение военными трибуналами или Особым совещанием. В зависимости от обстановки на фронтах часть спецконтингента через штрафные батальоны шла на пополнение действующей армии. Остальные — их было большинство — передавались навечно в постоянные кадры предприятий, расположенных в Сибири и на Крайнем Севере, тем самым оставаясь на положении каторжников.

Как видим, практика использования «спецконтингента» продолжилась и после окончания войны. Кроме того, постановление 1945 года предусматривало высылку захваченных во время боевых действий и выявленных при проверках лиц, служивших в немецких вооруженных силах и полиции. Партийно-государственное руководство, хотя и предполагало использовать служивших противнику и не запятнавших себя военно-пленных на разных условиях, все же не видело большой разницы между ними — и тех и других направляли на Крайний Север, в Сибирь, в отдаленные и гибельные места, зачастую — в одном эшелоне.

По свидетельству офицеров сталинской охраны, постоянного рабочего места в Малом доме у вождя не было: трудился он и в столовой, и в кабинете. «В Малом доме последние годы Сталин бывал редко, когда в Главном доме был какой-то ремонт, — вспоминал Ю. С. Соловьев. — Кроме того, в Малом доме был книжный шкаф и иногда Сталин туда заходил, чтобы взять нужную ему книгу»¹⁸³. Здесь же Сталин иногда принимал гостей и, как правило, сам топил камин.

С Малым домом связана еще одна любопытная подробность жизни сталинской семьи. Сотрудники охраны рассказывали, что в Малом доме иногда жила дочь Сталина Светлана. Впрочем, как неоднократно подчеркивала сама Светлана Иосифовна, отцовскую дачу она не любила и бывала там нечасто.

* * *

С западной стороны Главного дома, в тени деревьев, приютилось небольшое одноэтажное здание, в обиходе «Ближней» именовавшееся

бильярдной. Оно было сооружено в 1933 году одновременно с Главным домом, из таких же фибролитовых плит. Это единственное здание на территории дачи, которое не подвергалось значительным перестройкам. В нем три основных помещения — собственно бильярдный зал, русская баня и столовая. Туда можно попасть из просторной прихожей. Прямо — дверь в бильярдный зал; повернув налево, через комнаты отдыха попадешь в баню, направо — в столовую.

Сталин был заядлым игроком, и бильярдные столы и кии на объектах, где он проживал или хотя бы останавливался, всегда поддерживали в отличном состоянии. «Меня вызывали неожиданно, часто ночью, привозили на сталинскую дачу в Подмоскowie или на юге, где стояли сделанные мною бильярдные столы, и я выполнял необходимые работы, — вспоминал Андрей Петрович, вновь оказавшись на „Ближней“ в середине 50-х годов, уже после смерти вождя. — Однажды Сталин попросил меня закруглить угловые лузы, чтобы легче было забивать шары. Я выполнил его просьбу, и теперь видите — углы луз овальные, что по правилам не делается». Старый мастер подошел к столу, погладил рукой сукно. Он волновался, на глазах его были слезы. Помолчав, он продолжал: «Сталин всегда сам приходил и принимал сделанную мной работу, всегда меня благодарил. По его просьбе я сделал ему кий — вот этот»¹⁸⁴, — и показал на киевницу справа от входной двери.

Надо сказать, что бильярд в Советском Союзе в те годы был очень популярен. Не обошло это увлечение и ближний круг вождя — играли на бильярде и его «соратники по партии», и начальник его личной охраны генерал Власик. «А каким [Власик. — *Авт.*] был бильярдистом! — вспоминала приемная дочь генерала Надежда Николаевна Власик-Михайлова. — Всех обыгрывал!»¹⁸⁵.

Сотрудники охраны были в числе постоянных партнеров Сталина по игре. Один из них, Орлов, позднее вспоминал: «Сталин играл неплохо и бил по шару, не целясь. Не любил, когда ему подыгрывали»¹⁸⁶. Об одном из бильярдных «сражений» на «Ближней» поведал читателям Константин Симонов со слов маршала Конева. «На билиарде он [Сталин. — *Авт.*] играл неплохо, тихими точными ударами, никогда не бил сильно, тщательно целился». Играя в паре с Коневым против Берии и Маленкова, Сталин проигрывал, поскольку соперники вождя были сильными игроками, а партнер, как оказалось, играл посредственно. «...Они, несмотря на все

старания Сталина, чем дальше, тем все безнадежнее проигрывали. Сталин злился, в конце концов бросил кий и прервал игру, перед этим выругав соперников: „Ну, где нам с ними играть? Смотрите, какие они бандиты. Это же бандиты. Вы посмотрите на них, какие они“. За этими словами слышался еще и призыв посмотреть на то, какие они здоровые, толстые бугаи»¹⁸⁷.

По словам Орлова, с одобрения Хозяина утвердился обычай: проигравшие вне зависимости от чина сидели под бильярдным столом. Чаще других туда попадал Хрущев, поскольку игроком он был неважным. В таких случаях Сталин говорил «Миките»: «Даже играть не умеешь, а республикой руководить хочешь?»

Свидетельство Орлова дополняет В. Ф. Аллилуев. Обычай играть «на пролаз» сложился еще до войны, на даче в Зубалове. «...Проигравший должен был лезть под бильярдный стол, — пишет Владимир Федорович в мемуарах, — но обычно вместо взрослых ползали дети. Мои старшие братья рассказывали мне, что как-то была большая игра. Сталин играл в паре с Павлом, а дед в паре с моим отцом. Партию выиграли дед с отцом, но вместо Сталина и Павла под стол полезли мои братья. Старшая дочь Павла Кира, к его неудовольствию, сильно возмущалась этим, считая, что взрослые сами должны отдуваться за проигрыш, а Сталина Кирино негодование

позабавило, он смеялся»¹⁸⁸. Как видно, вождь распространил семейную традицию на своих соратников — сказало его постоянство в привычках.

Естественно, даже во время игры Сталин не мог полностью отрешиться от дел. Очевидцы свидетельствовали, что за бильярдом вождь часто обсуждал с партнерами политические, хозяйственные, кадровые и другие проблемы.

Следует отметить, что в 1941 году вопреки инструкциям и уговорам охраны и коменданта дачи Сталин часто не уходил в укрытие во время бомбардировок, а, напротив, наблюдал за налетами вражеской авиации на Москву с солярия. Однажды, когда генерал Власик в очередной раз упрашивал Хозяина спуститься в бункер, тот сказал: «Не бойся, наша с тобой бомба еще не летит».

После окончания Второй мировой войны, в связи с угрозой атомных бомбардировок, бункер был оснащен всем необходимым для того, чтобы жить в нем продолжительное время. В техническом помещении бомбоубежища и сегодня сохранилось все установленное при жизни Хозяина оборудование, причем оно исправно функционирует. Например, дизель-генератор выпуска 1939 года можно запустить и сейчас. Естественно, не стоит удивляться тому, что все было сделано на высочайшем уровне.

Террасы, веранды, второй этаж

В Главном доме множество веранд и террас — и на первом, и на втором этаже. Они окружают дом по всему периметру. По главному фасаду, с севера, — две террасы: одна поменьше, у комнаты № 1, вторая, в несколько раз больше, у Малой столовой. Попасть на большую террасу можно по ступенькам со двора и собственно из Малой столовой. Как вы помните, вождь любил выходить сюда с винчестером и постреливать в надоедливых ворон. Здесь стоят стол, дюжина стульев, плетеный лежак с подушкой и тюфячком и маленький столик для посуды. На левом барьере северной террасы и на подоконниках Малой столовой обслуживающий персонал расставлял цветы. На одном из подоконников к услугам вождя была непременная пепельница. Рядом, в наружной стене, была вмонтирована белая кнопка для

вызова охраны. На тенистой северной террасе Сталин чаще всего бывал в жаркие дни. Чтобы дышалось легче, он сам поливал дощатый пол холодной водой из шланга.

Когда к вождю привозили Василия и Светлану, он, бывало, проводил с ними время здесь, на свежем воздухе. Самые известные фотографии Сталина с детьми сделаны Власиком именно на северной террасе.

К Малой столовой примыкает и застекленная восточная веранда. Войдем в нее с северной террасы, через высокие двустворчатые двери. В Малую столовую ведут такие же большие двери, но с тамбуром. Освещает веранду светильник с большим круглым абажуром. Несмотря на обилие мебели, она не выглядит загроможденной, ведь ее площадь составляет около 50 м². Здесь поместились большой стол, три маленьких столика с пепельницами,